

Голос Галины Ковалевой дарил радость и душевное просветление миллионам людей. Глубокой болью отзовется в их сердцах весть о ее безвременной кончине.

...Не забуду генеральной репетиции прокофьевского "Обручения в монастыре" летом 1961 года. Вот, в первой картине, привлеченная серенадой Антонио, на балконе появилась прелестная Луиза и ответила ему мелодией, полной очаровательной нежности. Голос, пропевший ее, заставил всех восторгнуться: словно бы небесное сияние разлилось в затемненном зале. Во второй картине этот волшебный голос обрел новые краски — и все многогранной становился творимый ими образ влюбленной девушки, ласковой и кокетливой, но, в то же время, предприимчивой и волевой. Какая-то обаятельная и радостно-спокойная победительная сила исходила от шеридановско-прокофьевской героини. "Кто такая? Откуда?" — спрашивали друг друга собравшиеся на просмотр меломаны. Это была Галина Ковалева, полгода назад принятая в труппу.

Позднее я узнал, что Галина Александровна родилась в Краснодарщине, в городке, название которого, Горячий Ключ, оказалось символическим: словно целебный источник, прозрачным и теплым был голос выросшей там Гали. Отличные голоса были у родителей, и в доме постоянно пели. Отца она запомнила красивым, длинноволосым. Мальчиком бродил он с цыганским табором и знал множество песен, русских, украинских, цыганских. Он погиб на фронте, когда Галя была еще ребенком. Девочка выросла, пришла пора выбрать профессию. Она отправилась в Саратов, решив идти по материнской стезе, стала учительницей. Пела в самодеятельности, и восторженные коллеги убеждали ее в необходимости учиться пению. "А я и так умею", — отвечала им Галина. Но друзья проявили настойчивость и прямо-таки за руку привели ее в консерваторию. Тут девушка узнала, сколько нужно ей постичь, чтобы стать образованным музыкантом. Она взялась за занятия, проявив свойственные ей и позже целеустремленность и силу характера. Впрочем, О.Стрижова, в чей вокальный класс она

IN MEMORIAM

Облагодетельский театр
1995. - № 1. - С. 2

Голос века

попала, сразу определила, что голос ее ученицы поставлен самой природой — дай Бог не испортить. Школа, которую она исповедовала, связана была прежде всего с именем Глинки, шедшего, как известно, в своей музыке и требованиях к вокалистам и от русской песни, и от итальянского бельканто. С самого начала Глинка стал любимым композитором Ковалевой, и его романсы, такие простые и такие сложные в своей классицистской ясности, она пела превосходно. Позднее, занявшись педагогикой, воспитывала на них своих учеников.

На третьем курсе, под опекой известного дирижера Н.Шкаровского, возглавлявшего тогда Саратовский оперный, Галина подготовила и спела первую свою и оставшуюся навсегда любимой партию Марфы в студенческом спектакле "Царская невеста". Была она в этом представлении лучше всех, и ее пригласили солисткой в Оперу. И в первые же годы она исполнила Снегурочку, Виолетту и Манон. В этой последней партии ее услышал во время гастролей театра в Кисловодске один из членов худсовета Кировского театра и посоветовал приехать в Ленинград. И вот, 14 ноября 1960 года — эту дату она считала по-особому знаменательной — Ковалева впервые вышла на легендарную Мариинскую сцену. Под роль спела арии Виолетты и Мими, и ей сказали: "Мы берем вас". Тут же попросили — вечером, перед обратным поездом — прийти в Юсуповский дворец и, уже в качестве солистки Кировского театра, принять участие в концерте, заменив заболевшую примадонну. Она спела арию Розины и с В.Журавленко дуэт Розины и Фигаро и уехала. А в канун нового, 1961 года состоялся ее дебют в театре, и это тоже был "Севильский цирюльник".

Три десятилетия волшебный голос Ковалевой дарил на этой сцене. В первые же годы после переезда в Ленинград она приняла участие в двух международных конкурсах — оперных певцов в столице Болгарии и соревновании вокалистов во французском городе Тулузе — и стала лауреатом обоих. В Тулузе, где ей присудили Гран при, она спустя год приняла участие в торжественном концерте и спела Джильду на сцене театра "Капитоль". Рецензент газеты "Ла депеш" написал тогда: "Певицу отличает ослепительная техника, бесподобная виртуозность, блестящий тембр колоратуры, совершенство манеры пения... Колоратурное сопрано Галины Ковалевой обладает такими исключительными достоинствами, которые позволяют причислить его к голосам века".

Каждую партию, которую пела Галина Александровна в ставшем родным театре, она готовила тщательно и постоянно совершенствовалась. По ее признанию, поначалу она была удивлена тем, что у нее получается, каждая репетиция, каждый спектакль доставляли лишь радость. Потом наступила пора сомнений, порой серьезных и мучительных. Она вела спор с собой, многое из устоявшегося и признанного стало казаться ей ошибочным, устаревшим. Она стремилась возможно глубже проникнуть в душевный мир своих героинь, осознать драматургическую сверхзадачу каждого образа. Певица находила новые вокальные краски. В контакте с дирижерами, режиссерами искала гармонии музыкального и актерского начал интерпретации, стремилась к выразительности и, в то же время, лаконизму каждой мизансцены, каждого жеста. Немало внимания уделяла и внешнему облику героинь, гриму, костюму. Сценическая сторона ее исполнительства стала заметно серьезней и совершенней после того, как мужем Галины Александровны стал известный архитектор, художник и фотограф Вениамин Борисович Фарицкий, чей вкус она очень ценила, чьим проектам горячо сочувствовала.

Первые спетые на Мариинской сцене партии, Розина и Луиза, долго оставались в репертуаре Ковалевой и резонировали характеру самой актрисы, сочетанию эмоциональной тонкости с целеустремленностью, всепобеждающей верой в торжество добрых начал. Но еще ближе ее душе оказывались роли драматические, которые в перечне исполненного ею преобладали.

Одной из вершин артистического творчества Ковалевой была партия Марфы. Прелестная в своей детской непосредствен-

ности и целомудренной нежности, измученная, когда насланная на нее порча отняла здоровье, она среди мятежных персонажей трагедии оказывалась самой сильной: даже мысль о сомнении, компромиссе не вязалась с ее обликом. Как дивно пропевала Ковалева кантилену в ариях Марфы! И словно бы лазоревые колокольчики звенели, когда пела она другие, оживленные разделы. Как горько и возвышенно, прощальным приветом издалека, из ангельских сфер, прозвучала последняя ария Марфы, данная в записи в скорбный час прощания с Галиной Александровной в конце гражданской панихиды, состоявшейся в театре...

Другим высшим достижением Ковалевой была Лючия ди Ламмермур. Эту партию мечтают петь все колоратурные сопрано, вправде же лишь те, что обладают глубочайшей силы эмоциональностью и исключительным певческим мастерством. Доведенное до совершенства у Ковалевой искусство филирования звука здесь оказывалось сильнейшим средством художественного воздействия. В знаменитой сцене безумия певица не допускала и тени натурализма. Ее Лючия выглядела даже спокойной, но само спокойствие ее в этот страшный миг воспринималось как безумие.

Когда Галина Александровна пела последний акт "Травиаты", трудно было найти в зале слушателя, на глазах которого не было бы слез. Тяготение Галины Александровны к интерпретации трагедийных опер будило ее обратиться к партии Леоноры в "Трубадуре", а в конце певческой карьеры — и Анды. Соединением хрупкости и духовной силы, недоступной сомнениям, впечатляла и ее Микаэла.

Русские классические оперы были стихией Ковалевой. Думается, что в ролях Антониды, Людмилы, Волховы, Прилепы она приближалась к тому идеалу, который виделся композитору. Через 17 лет после первой прокофьевской партии ей предложили другую — Наташу Ростову. Не опоздала ли она? — это сомнение мучило певицу и всех, кто ждал премьеру 1977 года. Но Галина Александровна доверилась музыке, и в ней нашла все: и характер, и манеру речи, и линию поведения, и душу толстовской героини. И выглядела она отлично — казалась на сцене девочкой. А еще была Анастасия в "Петре Первом". Андрей Петров писал эту партию для Ковалевой, вдохновляясь звучанием ее голоса. Бесконечный, сосредоточенный распев начинаем ее голоса. Символически олицетворяет красоту и печаль Руси.

Существенной частью жизни Ковалевой была концертная деятельность. Она владела большим репертуаром, пела на разных языках, выступала с фортепиано, органом, солировала в Реквиеме Верди, во Второй симфонии Малера. Очень хорошо — проникновенно, строго — исполняла с русским оркестром народные песни.

Еще в пору артистического расцвета занялась она педагогикой, и учила отлично. Далеко не каждый, даже очень хороший, певец способен осознать и тем более передать другому тайну звукоизвлечения. Ковалева умела это делать. Собственным примером она воспитывала не просто певца, но художественную личность. То был пример бесконечной преданности любимому искусству, честности, открытости, прямоты в людских взаимоотношениях. Проведя жизнь в театре, будучи постоянно членом разного рода жюри и комиссий, соприкасаясь с закулисной жизнью, она не позволяла себе унижаться до участия в сплетнях или интригах. Среди певцов, которых она обучила — Валерия Стенькина, Светлана Волкова, Софья Ялышева, Юлия Замятина. В последнюю, Юлию, она, без преувеличения (как, впрочем, и в других) вложила всю свою душу. Словно в наследство, она передала ей чистоту тембра и ровность звуковедения, и, будто повторяя путь учителя, Юлия в минувшем году удостоилась Гран при престижного вокального состязания во Франции — конкурса "Виртуозные голоса" в Лионе.

Искусство Ковалевой запечатлено в грамзаписях и фильмах — но это, увы, лишь небольшая часть сотворенного ею. Наследие этому суждена долгая жизнь. Она работала, когда в театре ставили очень мало, и многие мечты ее остались нереализованными. По тому, как пела она в концертах фрагменты из "Нормы", из "Отелло" можно себе представить, какие еще образы она могла бы создать. Ну, да что сейчас сетовать... Будем благодарны судьбе за то, что были счастливыми современниками и свидетелями творческого восхождения выдающейся русской певицы.

Михаил БЯЛИК

На снимке: Г.Ковалева — Лючия ди Ламмермур

